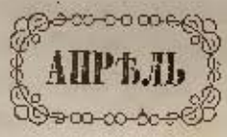

АПРѢЛЬ

РАДУГА

1860.

ЖУРНАЛЪ УЧЕБНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

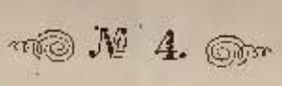
ИЗДАВАЕМЫЙ

ВЪ ѲЕОДОСІИ, ПРИ АРМЯНСКОМЪ ХАЛИБОВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ

НА ЯЗЫКАХЪ: АРМЯНСКОМЪ, РУССКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Подписка принимается: въ Ѳеодосіи — въ конторѣ типографіи армян. халиб. училища, въ Тифлисѣ у г. Р. Надирова, въ Константинополѣ у г. С. Дантозельяна.


№ 4.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

За годъ . . . . . 8 р. сер.
Одной армянской части . . . . . 6 » »
Одной русской съ французской . 4 » » } съ перес.

Содержаніе: Очерки горной части Крыма. Балаклава и ея окрестности. *(Окончаніе)* — Des chemins de fer Russes en général et de la ligne du Sud en particulier. *(fin)* — Внутреннія извѣстія. — Обозрѣніе главнѣйшихъ событій внѣшней политики. — Шарадъ. — Смѣсь: Извѣстіе о работахъ по насоп.-ѳеодос. желѣз. дор. — О закрытіи нац. армян. училищъ въ Парижѣ. — Движеніе судоходства при ѳеодос. портѣ.

ОЧЕРКИ ГОРНОЙ ЧАСТИ КРЫМА.

I.

БАЛАКЛАВА И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ. (*)

Балаклавскія тѣни. — Общій видъ города. — Бухта. — Древняя крѣпость. — Видъ Балаклавы во время пребыванія въ ней англичанъ. — Ловъ рыбы въ балаклавской бухтѣ. — Окрестности Балаклавы.

Отъ татаръ Балаклава перешла къ ея нынѣшнимъ обитателямъ — грекамъ-арнаутамъ, изгнавшимъ оттуда татаръ въ 1780-мъ году. По завоеваніи Крыма русскими, всѣ татары, населявшіе Балаклаву и деревни: Кадыкой, Каранц, Кѐмары и Алсу, разсѣялись, (*) а принадлежавшія имъ земли пожалованы были отъ

(*) Окончаніе, см. №№ 2 и 3.

(*) Voyages entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794, p. P. S. Pallas. Paris, 1805. V. 1. II. p. 131.

правительства архипелажскимъ грекамъ. Во время второй турецкой войны, когда обнародованъ былъ въ Греціи въ 1769-мъ году манифестъ императрицы Екатерины II, обѣщавшій иностранцамъ, вступающимъ въ русскую службу, доставить должное вознагражденіе и тѣмъ изъ нихъ, которые перейдутъ въ Россію, даровать разныя права и преимущества, греки какъ изъ туземныхъ, такъ и изъ поселившихся уже въ Россіи сформировали, на собственный счетъ, 8 баталіоновъ. Баталіоны эти названы были греческимъ войскомъ, и поступили подъ начальство командовавшаго архипелажскою экспедиціею, графа Орлова-Чесменскаго, который употреблялъ ихъ на флотѣ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Архипелагѣ. По заключеніи мира, имъ дарованы были разныя привиллегіи и повелѣно было водворить ихъ въ крѣпостяхъ: Керчи и Еникале и въ городѣ Таганрогѣ, подъ названіемъ *албанскаго войска*. Потомъ, по приказанію князя Потемкина, изъ этаго войска составленъ былъ осьми-ротный греческій полкъ, употребленный въ военныхъ дѣйствіяхъ противу крымскихъ татаръ; а послѣ покоренія Крыма, въ 1784-мъ году, этотъ полкъ водворенъ былъ на всегда въ Балаклавѣ, и вскорѣ, подъ именемъ греческаго батальона, получилъ штатное устройство.

Потомки этихъ-то грековъ населяютъ и по нынѣ Балаклаву и принадлежащія къ ея округу деревни: Кадыкой, Камары, Карани, Керменчикъ, Алсу, Лаку и Аутку. На правилахъ нашихъ иррегулярныхъ войскъ, имъ пожалована была отъ казны земля, съ обязательствомъ нести срочную военную службу; а въ свободное отъ службы время дозволено имъ производить торговлю моремъ и сухимъ путемъ, на общемъ положеніи, и заниматься разными промыслами.

Такимъ образомъ балаклавскій греческій пѣхотный батальонъ составлялъ родъ военнаго поселенія. Чинамъ этаго батальона, во всѣхъ мѣстахъ поселенія, отведено было земли около 10,000 десятинъ, для ихъ хозяйственныхъ обзаведеній; но они не пользовались правомъ отчужденія земли, и лица постороннихъ вѣдомствъ не могли пріобрѣтать собственности въ округѣ поселенія. Въ Балаклавѣ находился штабъ всего военнаго поселенія, изъ котораго формировался батальонъ, и училище кантонистовъ.—Запрещеніе лицамъ другаго званія имѣть собственность въ Балаклавѣ, исключительно военный характеръ города и близость другихъ свободныхъ портовъ, не смотря на удобство балаклавской гавани,(*) никогда не позволяли развиться здѣсь значительной торговлѣ; а потому и городъ никогда немогъ достигнуть замѣтнаго благосостоянія.(**)

Балаклава лежитъ, какъ мы уже сказали, на юго-западномъ берегу Крыма, подъ 44° с. ш. и 31° в. д., въ 12 верстахъ отъ Севастополя. Общій видъ Балаклавы поражаетъ каждаго невольно. Двѣ высокія, крутыя и обнаженныя скалы нависли здѣсь надъ морскимъ рукавомъ, глубоко врѣзавшимся въ землю. Изгибаясь тремя изворотами, этотъ рукавъ, или заливъ омываетъ своими волнами подошвы скалъ, и съ возвышенностей кажется глубокимъ оврагомъ, наполненнымъ водою. Узкое отверстіе, образующее входъ изъ моря въ балаклавскій

(*) По весьма незначительной ширинѣ (около 60 саженей) входъ въ балаклавскій заливъ считаютъ опаснымъ, особенно при сильныхъ и противныхъ вѣтрахъ. Однако балаклавская гавань, во время занятія англичанами города, была запружена судами, въ буквальномъ смыслѣ. Корабли стояли рядомъ, бокъ о бокъ, у самаго берега, что позволяла глубина воды. Между ними были такія корабли, какъ *Agamemnon*, *Sanspareil* и др. Всѣ суда съ матеріялами для осады Севастополя были вводимы англичанами въ балаклавскую гавань, и отсюда уже матеріялы эти доставлялись къ мѣсту назначенія.

(**) Статья наша была написана въ 1857 году. Но въ настоящее время положеніе Балаклавы должно совершенно измѣниться. 21 окт. прошлаго года Высочайше повелѣно: упразднить балаклавскій греческій пѣхотный батальонъ и всѣхъ чиновъ его освободить отъ обязанности нести военную службу, предоставивъ штабъ и оберъ-офицерамъ батальона перейти въ армейскія или гарнизонныя войска, а нижнимъ чинамъ, равно и неслужившимъ поселенцамъ даровать на пять лѣтъ льготу отъ государственной подати и рекрутской повинности; мѣстное управленіе г. Балаклавы и селеній, образующихъ поселенный батальонъ, устроить на новыхъ соображеніяхъ; участки общественной земли, которыми нынѣ владѣютъ жители, предоставить въ ихъ полную собственность; остальныя же общественныя земли раздѣлить на наличное число поселенцевъ, не имѣющихъ участковъ, съ предоставленіемъ также въ ихъ полную собственность; Балаклаву наименовать заштатнымъ городомъ, обществу коего, имѣющему составиться изъ желающихъ лицъ всякаго состоянія, предоставить пользованіе бухтою и 1,500 дес. земли, которыя прирѣзать вокругъ города, какъ будетъ удобнѣе, съ тѣмъ, чтобы дома, виноградники и иные участки земли, которыми въ этой чертѣ владѣютъ греки, оставались неотъемлемою ихъ собственностію.

Это преобразованіе чрезвычайно благодѣтельно для балаклавскихъ грековъ. Отъ ихъ дѣятельности и трудолюбія зависитъ теперь ихъ благосостояніе и возможное развитіе самой Балаклавы.

гдѣ каменистая почва горъ не позволяла дальнѣйшую обработку земли. Англичане, перейдя сюда въ сентябрѣ 1854, послѣ алминскаго сраженія, нашли страну эту восхитительною. Въ плодахъ и овощахъ у нихъ было невѣроятное изобиліе: винограду, персиковъ, миндалю у нихъ было столько, что они опасались за здоровье своихъ солдатъ. А по окончаніи войны, все это было уничтожено, затоптано, искоренено! Въ иныхъ мѣстахъ трудно было даже узнать, гдѣ находились всѣ эти сады и виноградники.

При входѣ въ заливъ, по правую руку, на вершинѣ неприступной скалы, возвышающейся болѣе чѣмъ на 700 футовъ надъ уровнемъ моря, находятся остатки древней балаклавской крѣпости.

Когда Кларкъ посѣщалъ Балаклаву, онъ видѣлъ еще на крѣпостныхъ стѣнахъ гербы Генуи и читалъ нѣкоторыя уцѣлѣвшія надписи.

«Гора съ сѣверо-восточной стороны,» — говоритъ онъ, — «покрыта развалинами крѣпостныхъ башень; въ скалахъ изсѣчено нѣсколько углубленій, на подобіе удобныхъ магазиновъ или комнатъ, выштукатуренныхъ внутри цвѣтною штукатуркою. Удивительно,» продолжаетъ Кларкъ, — «отчего жители Балаклавы не пользуются этими погребами; ибо они еще весьма удобны для употребленія; штукатурка въ нихъ до-сихъ-поръ остается нетронутою. Мы вошли въ одинъ изъ этихъ погребовъ; онъ представлялъ видъ обширной, продолговатой комнаты, гладко оштукатуренной и нѣсколько напоминавшей знаменитую *piscina mirabile* близъ предполагаемой виллы Лукулла въ Байяхъ.»

«Трудно было угадать, какое назначеніе имѣла эта комната. Мы допустили только то предположеніе, что она служила вѣроятно запаснымъ магазиномъ или кладовою, но ни какъ не водохранилищемъ, ибо мы нашли ее совершенно сухою и штукатурка на стѣнахъ, вполнѣ сохранившаяся, не показывала никакихъ слѣдовъ того, чтобы здѣсь когда-либо сохранялась вода». (*)

Если бы эти древніе погреба не были изсѣчены такъ высоко въ скалахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что англичане употребили бы ихъ съ пользою для склада своихъ запасовъ. Многіе впрочемъ думаютъ, что эти погреба были просто цистерны для дождевой воды.

(*) Clarke's Travels. vol. I. p. 507.

Всходъ на скалу, на которой стояла крѣпость, весьма крутъ. Крѣпость была четвероугольная, окруженная высокою стѣною, съ башнями; на это явно указываютъ уцѣлѣвшія развалины. Одною стороною она была обращена къ заливу, другою — смотрѣла въ открытое море; а страшная крутизна горы дѣлала ее почти неприступною со стороны суши. Теперь стѣны со стороны залива обрушились совершенно, а съ другихъ — уцѣлѣли одни остатки. Всѣ онѣ были съ контрафорсами и имѣли, для стока воды, каменныя трубы. Всѣхъ башень было восемъ; но теперь отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ остались только одни основанія, а другія обрушились до половины; уцѣлѣли, и то не вполнѣ, только двѣ круглыя башни. Одна изъ нихъ стоитъ на самой возвышенности горы; эта башня имѣетъ одинъ входъ, обращенный на востокъ; внутри ея находится цистерна, параболической формы, съ круглымъ отверстіемъ (аршина въ полтора въ діаметрѣ) выштукатуренная особеннаго рода составомъ. Верхушка башни покрыта каменнымъ сводомъ, имѣющимъ небольшое отверстіе для выхода на верхъ; сводъ поддерживаютъ двѣ, накрестъ лежащія деревянныя балки, совершенно сохранившіяся до-сихъ-поръ. Эта башня украшена еще довольно хорошо сохранившимся барельефомъ съ изображеніемъ, въ щитахъ, двухъ рыбъ, имѣющихъ вмѣсто головы цвѣтокъ лиліи, и съ каждой стороны по одному ангелу; надъ барельефомъ крестъ, а внизу надпись въ двѣ строки, которую трудно прочесть. М. Броневскій въ своемъ *Описаніи Тавріи* говоритъ, что и онъ нашелъ уже разрушенными великолѣпныя балаклавскія укрѣпленія генуэзцевъ: arces, ædes, mœnia et turres sumptuosæ cum plurimis genuensium insignis et titulis prosrtatæ et omnino dirutæ jacent.» (Dub. t VI. p. 17).

Внутри крѣпостныхъ стѣнъ замѣтны основанія устроенныхъ террасъ, на которыхъ видны кое-гдѣ развалины строеній.

Любопытно было тому, кто зналъ Балаклаву до войны, видѣть ее въ то время, когда въ ней были англичане. До войны не было, кажется, въ цѣломъ мірѣ морской пристани, такъ мало оживленной: два-три рыбака у гавани, два-три грека на главной городской улицѣ, толкую-

дей) *морскіе бычки*, *камбола* (sole, pleuronecte, изъ рода Platessa plana) и другія породы, свойственныя соленымъ водамъ. — Кефаль и скумбрія посѣщаютъ портъ въ большомъ количествѣ съ половины іюля,—въ августѣ и сентябрѣ болѣе всего; но ловъ продолжается и всю зиму, хотя не въ такомъ изобиліи. Ловятъ ихъ обыкновенными сѣтями, сдѣланными изъ нитокъ. Но у балаклавцевъ, для ловли кефали, существуетъ и другой, весьма оригинальный способъ лова — посредствомъ цѣновокъ. Ловъ этотъ производится ночью, слѣдующимъ образомъ: сшиваютъ вмѣстѣ нѣсколько цѣновокъ и загибаютъ ихъ немного по краямъ. Потомъ бросаютъ эти цѣновки на воду, близко къ берегамъ, именно у того мѣста, гдѣ замѣтятъ большой ходъ рыбы, и идутъ къ нимъ на лодкахъ, съ зажженными факелами, сначала на нѣкоторомъ разстояніи, а потомъ постепенно къ нимъ приближаясь. Кефаль отъ этого стремится къ берегу; но замѣтивъ длинное отраженіе цѣновки въ глубину воды, она пугается, бросается въ верхъ изъ воды — и тысячами падаетъ на цѣновки; такъ что въ какіе-нибудь полъ-часа или часъ времени покрываетъ ихъ собою совершенно. Тогда, посредствомъ веревокъ, притягиваютъ цѣновки къ лодкамъ, собираютъ рыбу, а цѣновки снова пускаютъ на воду, продолжая такимъ образомъ ловлю иногда всю ночь и возвращаясь домой съ богатою добычею — съ баркасами, наполненными кефалью до краевъ. Ловъ этотъ, въ темную и тихую безвѣтренную ночь, всегда бываетъ удаченъ.

При дикой мѣстности, обставленной горами, движеніе лодокъ, съ свѣтящимися огнями по гладкой поверхности залива, плесканіе рыбы въ водѣ и безпрерывный, мѣрный стукъ, производимый ею при паденіи на цѣновки — оставляютъ въ зрителѣ впечатлѣніе, которое не скоро забывается.

Свѣжая кефаль жирна, тѣльна и очень хороша на вкусъ. Ее заготовляютъ и въ прокъ, но болѣе коптятъ и сушатъ, нежели солятъ. Сушоная кефальная икра составляетъ здѣсь весьма лакомое блюдо; ее добываютъ не много, а потому она продается довольно дорого.

Солятъ болѣе скумбрію; пробывъ около году въ разсолѣ, рыба эта становится столь же нѣжною и вкусною, какъ и лучшіе голландскіе сельди. (*)

(*) Pallas t. II p. 132, 133.

Хамса ловится въ то же время, когда и кефаль. Бываютъ годы, что ее до того много заходитъ въ балаклавскую бухту, что море выбрасываетъ ее на берегъ, кучами. Жители принуждены бываютъ тогда засыпать ее пескомъ, иначе гніеніе ея заражаетъ воздухъ. Хамсу ловятъ здѣсь *мерошками*, особенный родъ ловушки, дѣлаемой изъ обручей, на которые натягивается сѣть; она имѣетъ видъ конуса, въ сажень вышины, съ узкимъ отверстіемъ, въ родѣ воронки. Балаклавцы солятъ эту рыбу въ огромномъ количествѣ, и пускаютъ въ продажу по дешевой цѣнѣ.

Ловъ камболы начинается въ мартѣ и длится только до конца апрѣля или начала мая. Ее ловятъ болѣе внѣ бухты, версты на двѣ, на три отъ береговъ, и употребляютъ для этого крючки и сѣти; послѣднія для камболы дѣлаются очень длинныя и узкія, только съ широкими петлями, сообразно величинѣ рыбы: бываетъ камбола отъ 25 — 30 фунтовъ вѣсу. Сѣти завозятъ въ море на лодкахъ и погружаютъ на дно, прикрѣпивъ съ каждаго конца къ камнямъ; а для обозначенія мѣста, гдѣ брошена сѣть, выпускаютъ на веревкѣ вмѣсто поплавковъ, у обоихъ оконечностей сѣти, по боченку съ укрѣпленнымъ на немъ, на небольшомъ шестѣ, бѣлымъ или чаще краснымъ флагомъ. Сѣть оставляютъ въ море двое иногда трое сутокъ.

Въ три или четыре года одинъ разъ заходитъ въ балаклавскій заливъ небольшая золотистая рыбка называемая здѣсь — *барбунька* или *султанка* (la mule ou le mulet rouge). Эта рыба очень нѣжная и вкусная. Она какъ свѣжая, такъ и маринованная (балаклавцы маринуютъ ее особенно искусно en froid) очень цѣнится, и продажа ея доставляетъ имъ хорошіе барыши.

Какъ великъ ежегодный уловъ рыбы, производимый балаклавцами, — вопросъ, на который, по неимѣнію данныхъ, нельзя отвѣчать опредѣлительно. Но судя потому, что Балаклава снабжаетъ рыбою, какъ мы сказали, главные крымскіе города, и что копченая кефаль и соленая скумбрія расходятся въ достаточномъ количествѣ и за предѣлами Крыма, по всему Новороссійскому краю и у кавказскихъ береговъ, можно думать, что этотъ уловъ бываетъ довольно значительный.

съ лѣвой стороны—раковисто-известковый грунтъ образуетъ рядъ довольно высокихъ, бѣловатыхъ гребней, съ весьма скудною растительностію, пересѣкаемыхъ оврагами и страшными пропостями.

По срединѣ одной изъ такихъ пропастей возвышается огромная, вертикально-стоящая скала, на вершинахъ которой лежатъ развалины знаменитой въ лѣтописяхъ Крыма крѣпости — *Мангупа*.

По своему положенію мангупская крѣпость была, кажется, самою сильною и самою неприступною изъ всѣхъ древнихъ крѣпостей на полуостровѣ. Скала, на которой она была построена, возвышается футовъ на тысячу надъ уровнемъ моря, и всѣ скаты горы и близъ-лежащія мѣста у ея подошвы, по которымъ только можно было проникнуть въ крѣпость, были ограждены стѣнами и башнями, слѣды которыхъ весьма явственны и до-сихъ-поръ. Кларкъ, во время путешествія своего въ Крыму, былъ пораженъ ужасающей величественностію этой мѣстности. Онъ говоритъ, что нигдѣ въ цѣлой Европѣ не встрѣчалъ онъ ничего подобнаго. Въ слѣдующихъ очеркахъ мы поговоримъ подробнѣй о Мангупѣ.

Съ высотъ мангупскихъ открывается великолѣпный видъ на Севастополь и его окрестности и на далеко-разстилающееся за нимъ, безбрежное море. На сѣверъ отъ Мангупа крымскіе горы переходятъ постепенно въ отлогіе скаты и наконецъ теряются совершенно въ степной равнинѣ, между Симферополемъ и Перекопомъ.

Гр. Карауловъ.

Симферополь.
Апрѣль, 1857 г.

DES CHEMINS DE FER RUSSES EN GENÉRAL,

ET

DE LA LIGNE DU SUD EN PARTICULIER.

(Suite et fin.)

Après l'exposé des considérations générales dont les chemins de fer russes ont été l'objet dans notre précédent numéro, il convient d'entrer aujourd'hui dans l'examen des éminents services qu'est appelé à rendre non seulement à la Crimée, mais à la Russie toute entière, le vaste embranchement qui doit partir de Moscou et aboutir à Théodosie.

A cet effet, disons tout d'abord, que les observations faites précédemment au sujet de l'insuffisance des voies de communication et des moyens de transport en Russie, sont d'une rigoureuse exactitude, surtout relativement à la Crimée.

Cette contrée, en effet, est bien loin d'être mieux favorisée que le reste de l'empire sous le rapport des routes dont il est vrai de dire, qu'il n'y en a pas une seule qui soit, pendant une grande partie de l'année, tant soit peu praticable. Le transport des denrées coloniales s'effectue, comme on le sait très-bien, à l'aide de chariots traînés par des bœufs. Or, ce transport tout à la fois si coûteux, si lent et si incommode, ne peut se faire qu'au printemps, depuis la mi-Mai, jusque'à la mi-Juillet; et dans l'automne, depuis le mois de Septembre, jusqu'au commencement de l'hiver. L'été, sans doute, la circulation est plus facile, mais alors, les misérables moyens de transport dont nous venons de parler font presque entièrement défaut, les charrettes et les bœufs étant exclusivement employés aux travaux des champs.

Il résulte de là, que le manque de voies faciles et promptes, constitue pour le gouvernement de Tauride, un véritable fléau qu'il importait de faire disparaître, et cela, non seulement dans un but d'amélioration purement locale, mais aussi, dans l'intérêt général de la Russie, dont la Crimée peut être regardée comme l'une des plus intéressantes et des plus fertiles provinces.

On a dit de ce pays, que la nature ne lui a refusé aucun des avantages que l'on peut attendre de sa position. En effet, il est peu de contrées qui lui soient comparables pour la douceur du climat, comme aussi sous le rapport de la

elle est devenue, en cinquante ans, le second port marchand de l'empire; Théodosie sera son heureuse rivale en desservant les autres. Outre sa part de relations directes dans l'intérieur, elle attirera une partie des relations de Taganrog et des autres ports de la mer d'Azof, parce qu'elle leur offrira un écoulement plus aisé en les dispensant des circuits du Volga et du Don à cette mer fermée; elle y ajoutera ses relations avec le littoral oriental de la mer Noire et du Caucase, auxquels elle touche: enfin, elle sera liée à Moscou; peut-être, ajoute Mr Emile Barrault en terminant cet admirable précis historique et cet intéressant aperçu que nous avons cru devoir reproduire ici en entier, peut-être la vieille cité des Grecs et des Génois ressus citera-t-elle avec éclat.» Nous croyons être en droit de dire au sujet de cette dernière pensée, qu'elle exprime un vœu en partie déjà réalisé. Théodosie, en effet, n'est plus ce qu'en disait au commencement de ce siècle, dans un ouvrage sur la Crimée, un célèbre voyageur, Mr J. Reuilly; Théodosie n'est plus seulement un amas de ruines et de décombres, une ville déserte et abandonnée; Théodosie n'est plus même aujourd'hui, la ville d'hier. Semblable à cette reine de la fable sortant tout-à-coup de son sommeil séculaire, à la voix magique d'un puissant Génie, cette vieille cité, déchue depuis longtemps de son ancienne splendeur, a relevé soudain la tête, au bruit lointain de la locomotive. Rappelée à la vie par la puissance magique que possède la vapeur, elle a commencé à secouer la poussière de l'oubli qui l'enveloppait comme d'un linceul, et semble avoir déjà recouvré une partie de sa force et de son éclat primitifs. Sans doute, elle n'a pas réussi encore à faire disparaître entièrement les traces profondes de ses nombreuses blessures, mais, il est vrai de dire, qu'elle a déjà totalement changée d'aspect et subi, dans un certain sens physique en moral, si je puis m'exprimer de la sorte, une métamorphose complète, qu'attestent assez et l'augmentation considérable de sa population, (*) et la réédification d'un grand nombre de maisons précédemment en ruines, ainsi que la construction récente d'une foule d'autres dans certains endroits de la ville jusque là inhabités. C'est enfin et surtout, ce dont rend un éclatant témoignage l'espèce d'élan et d'entrain qui se manifeste dans cette ville de mille manières, entre autres, pour le dire en passant, par l'établissement de certains centres de réunion, où la haute classe de Théodosie trouve, dans ses moments de loisir, un délassement tout à la fois agréable et utile, en même temps qu'il s'établit par là, entre les individus de différente nationalité, qui se trouvent ici en grand nombre, un contact, une fusion, dont il est facile de comprendre et de prévoir les précieux et immenses avantages.

Nous terminerons, si on nous le permet, en faisant ici la remarque, qu'une importante amélioration pour Théodosie, c'est l'établissement de l'imprimerie de l'école arménienne Khaliboff dont le matériel, composé d'une presse mécanique et de deux presses ordinaires, peut devenir d'une extrême utilité dans une ville qui, comme l'ancienne Caffa, a devant elle la perspective d'un avenir des plus brillants et des plus prospères.

A. Pécus.

(*) Théodosie, en 1806, ne se composait guère, si l'on en croit le rapport du voyageur dont nous avons déjà cité le nom, que d'une centaine de maisons. Elle en compte aujourd'hui 586. Le nombre d'habitants s'élève au chiffre de 7,520 environ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Вслѣдствіе предстоящаго преобразованія нашихъ кредитныхъ учрежденій, въ прошедшемъ году послѣдовало распоряженіе относительно прекращенія выдачи ссудъ изъ заемнаго банка, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія.

Съ этою же цѣлію Высочайшимъ указомъ 26 декабря 1859 г. повелѣно прекратить съ 1-го Января 1860 г. пріемъ процентныхъ вкладовъ въ заемномъ банкѣ, сохранныхъ казнахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія. Коммерческому же банку и его конторамъ разрѣшается пріемъ частныхъ вкладовъ до 1-го Мая 1860 г. на основаніяхъ, установленныхъ указомъ 1-го сентября т. с. съ платежемъ 2-хъ процентовъ въ годъ, безъ исчисленія процентовъ на проценты. По истеченіи же сего срока, пріемъ вкладовъ допустить по правиламъ, какія будутъ установлены въ самомъ уставѣ банка.

существуетъ и въ другихъ частяхъ нашего финансоваго управленія.

«Проэктъ новаго устава, долженствующаго замѣнить дѣйствующій о гильдіяхъ, какъ мы слышали, отпечатанъ и въ скоромъ времени поступить на разсмотрѣніе податной коммисіи.»

— Въ слѣдующихъ выпускахъ того же изданія помѣщено:

«Платина въ настоящее время обращаетъ особенное вниманіе правительства, которое для изученія новѣйшихъ способъ ея чеканки отправило въ Парижъ спеціалистовъ.

По предмету *постойной повинности* въ скорости будетъ составленъ новый проэктъ.

«Въ министерствѣ финансовъ учреждена новая коммисія, съ цѣлью подвергнуть новому и зрѣлому обсужденію вопросъ о кредитныхъ билетахъ, о вліяніи ихъ на народное хозяйство и о способахъ ихъ уменьшенія.»

ОБОЗРѢНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Австрійскія дѣла, возбуждавшія всеобщее вниманіе въ концѣ минувшаго года, не перестаютъ довольно сильно интересовать Европу и по настоящее время. Почти всѣ журналы и газеты кричали, что Австрія скоро должна подвергнуться коренному преобразованію; что во всѣхъ австрійскихъ областяхъ господствуетъ всеобщее недовольство дѣйствіями правительства, недовольство во всѣхъ классахъ народа; что не только венгры и славяне, но даже вѣрные тирольцы подняли ропотъ противъ габсбургскаго дома; что казна Австріи истощена до крайности — ей не начто содержать свое огромное войско, главную опору ея существованія; что кредитъ Австріи упалъ совершенно послѣ итальянской войны; что сумма долга ея простирается до 2,000 милліоновъ, что однихъ процентовъ она обязана уплачивать ежегодно до 100 милл.; что народъ страшно отягощенъ податями и проч. и проч.

Да, дѣйствительно тяжелое время переживаетъ теперь Австрія. Но ей не впервые переживать тяжелыя времена. 1848 годъ былъ для нея роковымъ годомъ, а она сумѣла восторжествовать надъ нимъ. Ея хитрая политика, идеи о политическомъ равновѣсіи Европы помогутъ ей и теперь, какъ помогаютъ давно. И потому нѣтъ поводовъ — (или по крайней мѣрѣ они мало убѣдительны) — согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кто думаетъ, что существованію Австріи грозитъ какая либо опасность. Хотя съ другой стороны нельзя не видѣть, что признаки болѣзни, кроющейся давно въ политическомъ тѣлѣ австрійской имперіи, проявились съ новою силою послѣ послѣдней войны въ Италіи. Въ этой войнѣ, какъ извѣстно, ей не было удачи. Ея многочисленная армія, хорошо обученная и снабженная всѣми новѣйшими изобрѣтеніями военнаго искусства, — не доставила ей ни одной побѣды. Она только умѣла отступать со стыдомъ на всѣхъ пунктахъ, не успѣвая даже подбирать и хоронить свои мертвыя тѣла и оставляя это заботливости французовъ.

А между тѣмъ — странное дѣло — все могущество свое Австрія основываетъ на силѣ своего войска. И оно, войско это, сильно въ самомъ дѣлѣ; но силу его всегда испытывали на себѣ не внѣшніе враги Австріи, а тѣ національности, изъ которыхъ составилось такое неправильное въ между-народномъ мірѣ явленіе, какъ австрійская имперія.

Изъ 37,339,000 населенія имперіи (Экон. Указ. 1859 г. № 109) на долю нѣмцевъ приходится только 7,980,000; однихъ же славянъ 15,170.000. За тѣмъ — венгровъ 5,418,000, итальянцевъ (до отдѣленія Ломбардіи) 5,466,000. Остальную массу населенія составляютъ: румины, албанцы и др. Всего войска у Австріи 492,486 чел. Изъ нихъ нѣмцевъ только 128,486; остальную же часть австрійскаго войска составляютъ болѣе всего славяне: кроаты, чехи, моравы, сербы, словаки, славонцы, истрійцы, русины, поляки; за тѣмъ слѣдуютъ итальянцы, мадьяры, молдоване, валахи и даже цыгане. Это-то пестро-составленное войско и служитъ въ рукахъ австрійскаго правительства главнымъ орудіемъ для поддержанія той угнетательной системы управленія, которая тяготѣетъ надъ подвластными австрійской имперіи народами. Правительство Австріи имѣетъ въ виду исключительно одни свои личные интересы и выгоды, заботится исключительно о выгодахъ одного господствующаго племени и ни мало не думаетъ о томъ, чтобы единствомъ правъ и интересовъ привязать къ себѣ разноплеменные народы, входящіе въ составъ имперіи. Внѣшняя политика Австріи, система ея внутренняго управленія, основанныя на хитрости и лукавствѣ ея политическихъ людей и администраторовъ, по справедливости возбуждаетъ противъ себя всеобщее негодованіе. Австрія подавляетъ всякое умственное движеніе въ народахъ, ей подвластныхъ; она служитъ въ западной Европѣ представительницею запоздалыхъ идей общественнаго застоя и врагомъ всякаго движенія, впередъ; она не признаетъ требованій нашего времени; она хочетъ неизмѣнно держаться своей старой системы, не желая сдѣлать изъ нея ни одной самомалѣйшей уступки — даже и теперь, когда потеря Ломбардіи и

не каждому, и ея послѣдователи представляли всегда нѣчто въ родѣ монашествующихъ орденовъ въ мусульманствѣ, подъ названіемъ *мюридовъ* т. е. *послѣдователей истины.* Главою мюридовъ на Кавказѣ, передъ появленіемъ Шамиля, былъ *Кази-мулла*, который первый сталъ проповѣдовать между горцами (провозглашая себя посланникомъ Бога) — *казаватъ* русскимъ т. е. войну съ невѣрными, завѣщанную въ коранѣ. Со смертію Кази-муллы имамомъ, или духовнымъ главою Дагестана объявилъ себя *Гамзатъ-Бекъ;* а послѣ него уже выходитъ на сцену дѣйствій Шамиль.

Шамиль принадлежитъ по происхожденію къ горскому племени—лезгинъ. Онъ родился въ 1799 году, въ обширной нагорной странѣ, именуемой Дагестаномъ, которая лежитъ между западными берегами Каспійскаго моря и главнымъ хребтомъ кавказскихъ горъ. Мѣсторожденіе его — укрѣпленное селеніе *Гумры*, знаменитое по сраженію 17 октября 1832 г., въ которомъ былъ убитъ Кази-мулла. Отецъ Шамиля былъ бѣдный горскій пастухъ. Онъ часто посылалъ маленькаго сына изъ селенія въ селеніе продавать плохіе персики. Въ свободное время Шамиль учился у муллы, который, замѣтивъ въ мальчикѣ блестящія способности, старался передать ему всю мудрость корана и его толкователей. Разсказы наставника разжигали въ Шамилѣ религіозный фанатизмъ и желаніе властвовать, обнаружившіеся въ немъ весьма рано.

Онъ поступилъ въ ряды мюридовъ еще при жизни Кази-муллы и былъ однимъ изъ его вѣрныхъ сподвижниковъ. Когда Гамзатъ-Бекъ, послѣ смерти Кази-муллы, объявилъ себя его преемникомъ, Шамиль находился при немъ и по его совѣту были истреблены аварскіе ханы, преданные Россіи. Гамзатъ-Бекъ былъ убитъ въ мечети однимъ аварцемъ, и мюриды его бѣжали изъ Хунзага — главнаго селенія въ Аваріи. — Въ то время по Кавказу разнеслась вѣсть, что и Шамиль погибъ вмѣстѣ съ имамомъ. Но онъ, спустя нѣсколько времени, неожиданно явился между мюридами, собравшимися на совѣщаніе, чтобы избрать себѣ новаго начальника. Увидѣвъ его, мюриды рѣшили, что самъ Аллахъ призвалъ Шамиля изъ мертвыхъ, чтобы властвовать надъ живыми, и онъ былъ избранъ ихъ главою. Скоро имя Шамиля начинаетъ пріобрѣтать между горцами громкую извѣстность. Но послѣ взятія русскими укрѣпленнаго замка *Ахульго*, въ которомъ жилъ Шамиль, значеніе его въ горахъ на время ослабѣло. Онъ умѣлъ однако воспользоваться всякимъ движеніемъ между горцами, чтобы разжигать ихъ ненависть къ русскимъ. Въ 1840 г. онъ является съ 500 мюридами между возмутившимися чеченцами; ихъ аулы, близкіе къ русскимъ, переселяетъ въ глубь кавказскихъ горъ и самъ поселяется въ ичкеринскихъ ущеліяхъ, въ селеніи Дарго. Съ этаго времени начинается періодъ блестящаго правленія Шамиля. Въ 8-й годъ своего имамства, онъ властвовалъ надъ 230,000 семействъ, надъ лезгинцами, чеченцами и нѣкоторыми другими горскими племенами Дагестана. Военныя дѣйствія противъ русскихъ обнаружили въ немъ талантъ военачальника. Онъ сдѣлался не только имамомъ — духовнымъ главою Дагестана, но и неограниченнымъ свѣтскимъ властителемъ страны; вводилъ между горцами болѣе правильное устройство суда и расправы, строго смотрѣлъ за соблюденіемъ *шарріата*, измѣнивъ его согласно своимъ видамъ и нуждамъ народа; былъ неумолимъ къ противникамъ своей власти и наказывалъ ихъ смертію; дѣйствовалъ на воображеніе и религіозное чувство горцевъ и внушилъ имъ неограниченную довѣренность къ себѣ. Онъ прослылъ между ними пророкомъ, получающимъ свои внушенія и помыслы свыше. Онъ впрочемъ и самъ, кажется, считалъ себя не простымъ человѣкомъ, а посланникомъ Аллаха. — Борьба Шамиля съ русскими войсками сопровождалась перемѣннымъ успѣхомъ. Во время успѣховъ, горцы уважали его и любили. Но какъ только его успѣхи прекратились — значеніе его между горскими племенами очень упало. Это видно изъ того, что въ послѣднее время всѣ близкіе и преданные къ нему люди отшатнулись отъ него. Наконецъ 25 августа прошлаго года пробилъ послѣдній часъ власти Шамиля! Онъ былъ окруженъ войсками князя Барятинскаго, проникнувшими въ послѣднее убѣжище Шамиля — неприступный Гунибъ — и взятъ въ плѣнъ, какъ мы это разсказали подробнѣе во 2 № Радуги. (стр. 37.)

СМѢСЬ.

Извѣстіе о работахъ по московско-ѳеодосійской желѣзной дорогѣ. — Въ 1 № Радуги мы сообщили, въ видѣ слуха, что въ началѣ нынѣшней весны 2000 человѣкъ будетъ поставлено на работы по московско-ѳеодосійской желѣзной дорогѣ, на линіи — въ 138 верстъ —

нопольской патріархіи, составляемый обыкновенно изъ знатнѣйшихъ армянъ Турціи, обѣщалъ учредителямъ гренелльской коллегіи доставить достаточныя денежныя средства для содержанія училища. Но не смотря на это, число пансіонеровъ, за которыхъ исправно вносилась плата (она простиралась до 2000 франковъ за каждаго) уменьшалось день ото дня; другихъ источниковъ для содержанія заведенія у учредителей его не имѣлось; изъ Константинополя деньги не высылались и три товарища—архимандриты увидѣли себя вынужденными закрыть гренелльскую армянскую коллегію, покрайней мѣрѣ на время, до той поры, пока къ содержанію ея представятся болѣе вѣрныя средства и источники. Они извѣстили объ этомъ патріарха и константинопольскій совѣтъ, и въ сентябрѣ прошлаго года приступили къ закрытію заведенія, увѣдомивъ французское правительство объ обстоятельствахъ, которыя ихъ къ тому вынудили. Г. *Руланъ*, французскій министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, по этому поводу прислалъ слѣдующее письмо на имя одного изъ директоровъ коллегіи.

Господинъ Директоръ.

«Я получилъ ваше письмо, которымъ вамъ угодно было довести до моего свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, заставившихъ васъ закрыть на время національную армянскую коллегію.

«Долгомъ считаю, г. директоръ, выразить при этомъ живѣйшее сожалѣніе, что неблагопріятныя обстоятельства воспрепятствовали вамъ сохранить управленіе надъ заведеніемъ, которое пользовалось моимъ полнымъ сочувствіемъ.

«Мнѣ было бы пріятно думать, что армянская коллегія вскорѣ будетъ въ состояніи снова возобновить свои дѣйствія, и этимъ продолжать тѣ добрыя отношенія, которыя существовали всегда между Франціей и народомъ армянскимъ.

Примите, господинъ Директоръ, увѣреніе въ моемъ совершеннѣйшемъ къ вамъ уваженіи.

Министръ
Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ
7-го ноября, 1859 г. *Руланъ.*
Парижъ.

Въ армянскомъ отдѣлѣ настоящаго номера Радуги помѣщены стихи нашего сотрудника по журналу, о *Хорена Калфа* (онъ теперь находится въ Ѳеодосіи) на закрытіе національнаго армянскаго училища въ Парижѣ. Поэтъ прощается этими стихами съ заведеніемъ, которому онъ посвящалъ всю свою дѣятельность и знанія, и съ находившеюся при томъ заведеніи армянскою церковію, гдѣ онъ молился Господу Силъ за своихъ единоплеменниковъ. *О. Хоренъ,* одинъ изъ даровитѣйшихъ молодыхъ поэтовъ армянскихъ. Его стихи составляютъ лучшее украшеніе новѣйшей армянской литературы. Онъ перевелъ на армянскій языкъ и издалъ въ Парижѣ *Harmonies poétiques* Ламартина.

ПРИХОДЪ И ОТХОДЪ СУДОВЪ КЪ ѲЕОДОСІЙСКОМУ ПОРТУ.

ВЪ ГЕНВАРѢ

по заграничной торговлѣ

Въ приходѣ:	*Въ отходѣ:*
Турецк. 1, безъ груза.	Русск. 1, съ ячменемъ.
Австр. 1, съ кам. углемъ.	

по каботажной торговлѣ

Русск. пароходовъ 9, съ разн. предм.	Русск. пароходовъ 9, съ подошвами, мукою капустою и проч.

ВЪ ФЕВРАЛѢ

по заграничной торговлѣ

Сардин. 4, безъ груза.	Сардин. 2 съ пшеницею.
Тоскан. 2, съ кофе, свѣжыми апельсинами и лимонами.	
Русск. 1, съ мануфак. тов. орѣх., рожками, свѣжыми овощами.	

по каботажной торговлѣ

Русск. пароходовъ 8, съ разн. предм.	Русск. пароходовъ 7, съ подошвами, мукою, рыбою, устрицами и проч.
Турец. 1, съ пшеницею и подошвами.	

ВЪ МАРТѢ

по заграничной торговлѣ

Сардин. 4, кам. уголь багры и др. припас. для желѣз. дороги.	Турецк. 2, съ пшениц. ячм., сыр. кожи и ов. шерсть.
Турец. 2, мануф. товар. кна, сарач. пш. дер. масло и пр.	Сардин. 1, съ овсомъ.
Самоск. 2, безъ груза.	Тоскан. 1, съ пшен. и яч.
Норвеж. 1, безъ груза.	
Мекленбург.-Швер. 1, Австр. 1, } съ камен. углемъ.	

по каботажной торговлѣ

Русск. пароходовъ 8, съ разн. предм.	Русск. пароходовъ 9, съ подошвами, мукою,
Турец. 1 (съ кавк. бер.) съ сал., воск., медомъ, кофе и мануф. тов.	Русск. судовъ 4, съ дровами, черепицею и кирпичемъ.
	Австр. 1, безъ груза.
	Сардин. 1, съ масл. и фруктами.

Печатать позволяется: Одесса, 16 Апрѣля 1860 года. Цензоръ *Д. Синицынъ.*

Печатано въ типографіи армянскаго халибовскаго училища.